

ЗАСТАВА НОМЕР ТРИНАДЦАТЬ

Кирилл Грошев

Кирилл Грошев

Застава номер тринадцать

«Автор»

2026

Грошев К.

Застава номер тринадцать / К. Грошев — «Автор», 2026

История реального подвига заставы номер тринадцать под командованием лейтенанта Лопатина Алексея Васильевича. Эта повесть о людях, чьё упорство, преданность Родине и верность присяге оказались сильнее безжалостной военной машины Вермахта.

© Грошев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Последний мирный вечер»	5
Глава 2 «Рассвет в огне»	8
Глава 3 «Тридцать минут, которые затянулись»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Застава номер тринадцать

Глава 1 «Последний мирный вечер»

Июньское солнце неохотно опускалось за кроны густого леса на той стороне Западного Буга. Над рекой, разделявшей две затаившиеся империи, медленно поднимался густой белый туман. Он лениво укутывал прибрежные камыши, напелзал на песчаные отмели и окутывал деревянные мостки, у которых еще днем деревенские ребятишки ловили раков.

На 13-й погранзаставе Владимир-Волынского отряда, уютно расположившейся на окраине села Скоморохи, пахло разогретой за день хвоей, свежескошенной травой и парным молоком, которое местная жительница тетя Даша только что принесла в большой глиняной крынке для семей командиров.

Субботний вечер 21 июня 1941 года дышал умхиротворением, уютом и той пронзительной дачной тишиной, какая бывает только в самую макушку лета.

Начальник заставы, лейтенант Алексей Васильевич Лопатин, сидел за своим рабочим столом у широко распахнутого окна. На нём была лёгкая сатиновая гимнастёрка без портупей - субботний вечер позволял немного расслабиться. На деревянной столешнице, аккуратно прижатые гильзой-папиросницей, лежали рапорты старших дозоров, ведомости расхода боеприпасов и недописанное письмо матери в Тамбовскую область.

Из глубины жилой половины дома, отделённой от служебного кабинета плотной суконной ширмой, доносились тихие, размеренные звуки: мерный скрип половиц, звяканье фарфоровых чашек и едва слышное, нежное напевание.

Алексей отложил карандаш, потёр воспалённые от вечной недосыпи глаза и повернулся на звук. Ширма отодвинулась, и в кабинет вошла Анфиса. Её светлые волосы были убраны под простой ситцевый платок, а на лице, несмотря на глубокие тени усталости под глазами, блуждала мягкая, счастливая улыбка. На руках она осторожно держала небольшой свёрток из байкового одеяла.

- Уснули? - шёпотом спросил Алексей, поднимаясь навстречу жене и бережно обнимая ее за хрупкие плечи.

- Толю еле уложила, всё просился к красноармейцам на конюшню, на лошадок смотреть, - так же тихо ответила Анфиса, кивая на ширму, за которой в маленькой кроватке сопел их трёхлетний первенец. - А Славик вот только-только притих. Целый день капризничал, к непогоде, наверное.

Лопатин наклонился и заглянул в складки одеяла. На него преданно и бессмысленно смотрели крошечные серые глаза месячного сына. Славик родился здесь же, на заставе, в конце мая. Алексей аккуратно, боясь повредить, коснулся пальцем крошечной, теплой ладошки малыша, и тот мгновенно крепко обхватил отцовский палец своими пухлыми пальчиками. В груди командира разлилось щемящее, пронзительное чувство абсолютного, безграничного счастья, смешанное с глухой, давящей тревогой.

- Посиди со мной, Алёша, - Анфиса присела на край старого кожаного дивана, бережно качая младенца. - Посмотри, какая благодать на улице. Даже собаки в деревне не лают. И за рекой тихо-тихо. Неужели твои командиры из отряда правду говорят, что войны не будет?

Лопатин подошёл к окну и опёрся руками на деревянный подоконник. Его взгляд невольно скользнул мимо мирно пасущихся на лугу лошадей, мимо аккуратных столбов колючей проволоки, прямо туда - на западный берег Буга. Там, в полутора километрах от заставы, чернела полоса польского леса, занятого немцами.

- Тишина обманчивая, Анфиса, - тихо, чтобы не напугать жену, произнес Алексей. Его голос стал собранным и жёстким, каким он обычно отдавал приказы на плацу. - Перебежчик,

которого вчера ночью снял дозор Котова, на допросе прямо сказал: «Ждите, со дня на день начнётся». Да я и сам без перебежчиков вижу. Слышишь?

Анфиса прислушалась, затаив дыхание. Сквозь вечерний стрекот цикад и далёкий ропот реки откуда-то с той стороны доносился едва уловимый, глухой, утробный гул. Обыватель принял бы его за отдалённые раскаты летней грозы, но Лопатин знал этот звук слишком хорошо. Так гудели на низких оборотах сотни тяжёлых дизельных двигателей. Немецкие танки и грузовики стягивались к самой кромке воды, маскируясь в ночной тени деревьев.

Днем дозоры докладывали, что на той стороне прекратились все полевые работы, а из приграничной полосы немцы силой выселили всех местных крестьян.

- Вот что, родная, - Лопатин повернулся к жене и сел рядом с ней на корточки, взяв её за свободную руку. - Завтра воскресенье, поутру приедет полуторка за продуктами в город. Ты собери в чемодан все документы, свои теплые вещи, Славино приданое и Толины игрушки. Сама садись с ребятами в кабину и поезжай к матери в тыл. От греха подальше. Переждёте месяц-другой, пока все утрясётся, и вернётесь.

В глазах Анфисы мгновенно блеснули слёзы. Она крепче прижала к себе младенца.

- Не поеду я, Алёша. Ну куда я с месячным ребёнком в такую дорогу? Поезда забиты, жара. Здесь у нас и воздух чистый, и молоко свежее, и ты рядом. Если что-то случится - у вас вон какие стены толстые, кирпичные, царской еще постройки. Да и ребята твои разве пропустят врага? Не поеду.

Алексей вздохнул, понимая, что переубедить жену сейчас не получится, а устраивать семейную сцену в этот тихий вечер не хотелось больше всего на свете. Он ласково поцеловал её в лоб и поднялся.

- Ладно, спите. Пойду пройдуся по заставе, проверю посты перед сменой караула.

Во дворе заставы царила привычная, отлаженная годами жизнь. Возле колодца, весело переговариваясь и гремя цинковыми вёдрами, пограничники умывались ледяной водой после жаркого дня. Чуть поодаль, на деревянной скамейке у казармы, сидел ефрейтор Александр Котов. Шурясь от дыма самокрутки, он старательно, до зеркального блеска намывал ваксой свои выходные сапоги - завтра у него было законное увольнительное в Скоморохи, где его ждала местная девушка-учительница.

Из дверей канцелярии навстречу Лопатину вышел политрук заставы, заместитель по политчасти Иван Гласов. В руках он держал свежую подшивку газет.

- Не спится, Васильевич? - негромко спросил Гласов, равняясь с начальником.

- Да какое тут «спится», Иван, - Лопатин заложил руки за спину, и они медленно пошли вдоль линии деревянных конюшен. - Сам посмотри на дозоры. Ребята на пределе. Каждую ночь сигнальные ракеты, порохи. Немцы прощупывают границу, засылают лазутчиков. У меня предчувствие, Иван. . Нехорошее предчувствие. Именно сегодня.

Гласов остановился и посмотрел на темнеющий горизонт. Его лицо стало серьёзным.

- Партия учит нас быть бдительными, Алексей. Но панике поддаваться нельзя. По бумагам из отряда - у них там просто учения. Передислокация крупных сил. Мы не должны поддаваться на провокации. Главное - не стрелять первыми, если что.

- Не стрелять. . - горько усмехнулся Лопатин. - Ладно, политрук. Пойдём к ребятам. Реестр патронов в тревожных чемоданах проверил?

- Все до единого, - кивнул Гласов. - Пулемётные ленты набиты, гранаты со склада выданы старшине под расписку. В случае тревоги каждый знает свой окоп и свой сектор обстрела. Застава готова.

Они дошли до крайнего блокгауза, где в густой тени деревьев застыл часовой - молодой рядовой Сидоров. Увидев начальство, он подтянул ремень винтовки Мосина и чётко, хоть и шепотом, доложил:

- Товарищ лейтенант, во время моего дежурства происшествий не обнаружено. На сопредельной стороне - без изменений.

Лопатин подошёл ближе, заглянул в амбразуру дзота. Река внизу казалась чёрной, как смола. Туман поднялся уже выше человеческого роста.

- Молодец, Сидоров. Смотри в оба. Слушай реку. Если услышишь плеск вёсел или металлический стук - стреляй ракету и объявляй тревогу без колебаний. Понял?

- Так точно, товарищ лейтенант! Не проскочит ни одна гадина, - уверенно ответил парень.

Лопатин похлопал бойца по плечу и вместе с Гласовым направился обратно к жилому корпусу.

Часы в кабинете начальника заставы показывали ровно одиннадцать вечера. Алексей вернулся в комнату, стараясь не шуметь. Анфиса уже спала, бережно обняв рукой колыбель со Славиком. В окно потянуло прохладой, и Лопатин тихонько прикрыл створку, оставив лишь узкую щёлочку для свежего воздуха.

Он лёг на диван прямо в одежде, подложив под голову свёрнутый китель. Закрывая глаза, Алексей Васильевич Лопатин не знал, да и не мог знать, что этот тихий, пахнувший травой и молоком субботний вечер - последний мирный вечер в его жизни. И что жить большинству этих веселых парней с его заставы осталось ровно пять часов и пятнадцать минут.

Глава 2 «Рассвет в огне»

Предрассветный полумрак 22 июня 1941 года был неестественно холодным и густым. Туман над Западным Бугом поднялся так высоко, что скрыл из виду не только противоположный берег, но и саму полосу речной воды.

На часах в кабинете Лопатина стрелки безжалостно приближались к четырём утра. Алексей так и не смог сомкнуть глаз. Он лежал на жёстком кожаном диване, вглядываясь в побелённый потолок, на котором дрожали слабые тени от ночника. Каждую минуту он прислушивался к звукам за окном. Гул танковых моторов на той стороне прекратился около получаса назад. И эта внезапно наступившая, абсолютная, гробовая тишина пугала пограничника сильнее любого шума. Она была похожа на затишье перед взрывом плотины.

В 4 часа 12 минут Лопатин не выдержал, бесшумно поднялся, накинул китель и подошёл к окну. В этот же момент на пороге кабинета без стука появился запыхавшийся дежурный по заставе, сержант Пётр Сухов. Его лицо в полумраке казалось бледным, а глаза были широко распахнуты.

- Товарищ лейтенант... - прерывистым шёпотом начал он. - Из дозоров докладывают. На той стороне... они резиновые лодки на воду спускают. Слышны всплески. И немецкие осветительные ракеты одна за другой пошли вверх, только без шума, вглубь своей территории.

Лопатин не успел ответить.

В 4 часа 15 минут утра небо на западе внезапно раскололось огненной вспышкой такой силы, что ночь мгновенно превратилась в ослепительно яркий, неестественный день. Через секунду до заставы докатился страшный, оглушительный грохот, от которого заложило уши. Воздух задрожал. Немецкая артиллерия - десятки тяжёлых орудий и минометов, скрытых в польском лесу, - одновременно открыли шквальный огонь по квадрату тринадцатой заставы.

Первый же крупнокалиберный снаряд разорвался прямо посреди плаца. Сильнейшая взрывная волна выбила оконные рамы в кабинете Лопатина. Тяжёлые дубовые створки с треском вылетели внутрь комнаты, осыпав всё вокруг тысячами острых осколков стекла. В лицо ударил едкий, удушливый запах тротила и горящей земли. На заставу обрушился огненный смерч. Грохот взрывов слился в один сплошной, непрекращающийся гул, от которого земля под ногами ходила ходуном, словно при сильном землетрясении.

За ширмой истошно, отчаянно закричал испуганный Толя. Мгновенно проснулся и залился плачем маленький Слава. Анфиса в одной ночной сорочке выскочила из-за занавески, бледная как полотно, прижимая к груди младенца и свободной рукой хватая за плечо старшего сына. Рой кирпичной пыли и штукатурки мгновенно заполнил комнату, из-за чего стало трудно дышать.

- Алёша! Что это?! Война?! - закричала она, пытаясь перекрыть грохот, но из-за заложивших ушей её собственный голос казался ей далеким эхом.

Лопатин в два прыжка оказался рядом с семьёй. Времени на объяснения и сентименты не было. Каждая секунда промедления на поверхности означала верную смерть. Он подхватил трёхлетнего Толю на руки, жёстко схватил жену за локоть и толкнул их к выходу из квартиры.

- В подвал! Анфиса, быстро в подвал! Никуда не выходите! - хрипел Алексей, увлекая их за собой по тёмному, засыпаемому обломками коридору.

Вокруг царил кромешный ад. Снаряды методично перепаживали территорию заставы. Один за другим рушились деревянные постройки. Вспыхнули склады с фуражом, с диким ржанием ломали перегородки в конюшне обезумевшие от страха лошади. В коридорах казармы, кашляя от едкого дыма, полуодетые пограничники на ходу застёгивали ремни, хватали винтовки и пулеметные коробки. Здесь не было паники. Была жёсткая, вьевшаяся в кровь дисциплина пограничных войск. Каждый боец знал, что делать по сигналу «Большая тревога».

Затолкнув жену и детей в глубокий, прочный подвал кирпичного здания заставы, где уже собирались другие женщины и повара, Лопатин с силой захлопнул тяжёлую дубовую дверь. Теперь его сердце было заперто там, в темноте, а сам он полностью принадлежал бою.

Выскочив на полуразрушенное крыльцо, Алексей столкнулся с политруком Гласовым. У того на лбу уже запекалась струйка крови от пореза осколком, но взгляд был твёрдым.

- Васильевич! Связи с отрядом нет, провод перебит сразу! - прокричал Гласов, пригибаясь от очередного взрыва, который разворотил угол столовой. - Радиостанция в щепки! Мы отрезаны!

- К бою, Иван! Рассредоточить людей! - скомандовал Лопатин. - Немцы бьют по квадратам, сейчас перенесут огонь в тыл и пойдёт пехота. Все к оборонительным сооружениям!

Пограничники ползком и короткими перебежками пробирались сквозь огонь и летящие осколки к своим огневым точкам. Ефрейтор Александр Котов, который ещё несколько часов назад начищал парадные сапоги, теперь лежал в окопе у станкового пулемета «Максим». Его выходная форма была покрыта серой гарью, лицо перемазано копотью. Он судорожно дёргал затвор, проверяя подачу ленты. Рядом с ним, вжавшись в бруствер, замер молодой рядовой Сидоров, до боли в пальцах сжимая винтовку.

Через десять минут артиллерийский обстрел заставы так же внезапно прекратился. Вражеские пушки перенесли огонь дальше на восток, начиная крушить тыловые дороги и соседнее село. Наступила страшная, звенящая тишина, нарушаемая лишь треском пожаров и стонами раненых лошадей. Туман над рекой начал медленно рассеиваться, смешиваясь с чёрным пороховым дымом.

Лопатин поднял бинокль и посмотрел в сторону Буга. От камышей, разрезая серую воду, к советскому берегу уж неслись десятки надувных лодок и тяжёлых деревянных понтонов. На них плотными рядами сидели солдаты в касках характерной формы, с автоматами наперевес. Штурмовые батальоны Вермахта шли уверенно, без выстрелов. Немецкие командиры были убеждены, что после такого артиллерийского ада на 13-й заставе просто не осталось никого живого.

Алексей Лопатин опустил бинокль, обвёл взглядом поредевшие, но замершие в готовности цепи своих бойцов. Вдоль окопов разнёсся его спокойный, звенящий в утреннем воздухе приказ:

- Без команды не стрелять. Подпустить ближе. За Родину... приготовиться к бою.

Немецкие надувные лодки бесшумно ткнулись в песчаный берег. Солдаты в серо-зелёных шинелях начали цепочкой выпрыгивать в мелководье, поднимая брызги, и уверенно, во весь рост, пошли вверх по склону. Они держали автоматы наперевес. До позиций пограничников оставалось сто пятьдесят метров, затем сто...

В окопах тринадцатой заставы стояла мёртвая тишина, прерываемая лишь сухим треском горящих брёвен конюшни. Пальцы бойцов замерли на спусковых крючках.

- Не стрелять, - глухо передавали по цепочке приказ Лопатина. - Ждём.

Когда передовая цепь немцев приблизилась к первой линии колючей проволоки, лейтенант резко вскинул пистолет и выстрелил в грудь идущему впереди немецкому офицеру.

- По врагам Родины. . Огонь! - закричал Лопатин.

В ту же секунду застава огрызнулась яростным, слаженным шквалом свинца. Захлебнулся в бешеном лае «Максим» ефрейтора Котова. Тяжёлые пули калибра 7,62 буквально срезают первую волну наступающих. Немецкие солдаты, шедшие как на параде, падали один за другим на скошенную пулеметным огнём траву. По берегу покатился страшный, многоголосый крик. Вражеская атака мгновенно захлебнулась, и уцелевшие гитлеровцы плашмя бросились на землю, судорожно пытаясь зарыться в прибрежный песок.

- Сидоров, патроны! Быстрее ленту! - хрипел Котов, не отрывая взгляда от прицела.

Пулемёт в его руках дрожал, выплёвывая гильзы, которые с глухим звоном сыпались на дно окопа. Рядовой Сидоров трясущимися от адреналина руками подхватил новую цинковую коробку, ловко заправляя край брезентовой ленты в приёмник «Максима».

Немцы быстро пришли в себя. Из-за реки, прикрывая пехоту, открыли огонь вражеские станковые пулемёты. Сотни трассирующих пуль засновали в утреннем воздухе, впиваясь в брустверы и кирпичные стены заставы, выбивая из них красную кирпичную крошку. Воздух наполнился свистом, воем и резким запахом сгоревшего пороха.

Раздался первый взрыв ручной гранаты - немецкая штурмовая группа попыталась подобраться к правому флангу через овраг, но была встречена дружным залпом пограничных винтовок.

Лопатин, укрывшись за полуразрушенным выступом стены, методично вёл огонь из ТТ, фиксируя перемещения противника. Бой завязался не на жизнь, а на смерть. Немецкий блицкриг на участке 13-й заставы споткнулся в первые же минуты стрелкового боя.

Глава 3 «Тридцать минут, которые затянулись»

Солнце медленно пробивалось сквозь завесу жирного чёрного дыма, поднимавшегося над горящими постройками. Наручные часы Алексея Лопатина показывали ровно пять часов утра. С момента первых артиллерийских залпов прошло сорок пять минут.

Согласно секретным оперативным картам, найденным позже в планшете убитого у реки немецкого лейтенанта, к этому времени 13-я погранзастава должна была перестать существовать, а передовые батальоны 298-й пехотной дивизии Вермахта - маршировать вглубь советской территории.

Но вместо победного марша немецкая пехота вжималась в песчаный берег Буга, умытая кровью. Первые тридцать минут войны, отведенные в Берлине на ликвидацию пограничного кордона, безвозвратно затянулись.

- Санитара! Сюда, скорее, Михася зацепило! - донёсся истошный крик из левого окопа.

Лопатин, пригнувшись, перебежал по ходу сообщения к позиции пулемётного расчёта. Земля под ногами была усыпана стреляными гильзами, которые неприятно хрустели под подошвами сапог. Возле пулемётного гнезда, прислонившись спиной к земляной стене, сидел молодой боец с бледным лицом. Из пробитого плеча толчками текла кровь, окрашивая зелёную гимнастёрку в бурый цвет. Пожилой старшина заставы, зубами разрывая индивидуальный пакет, на ходу накладывал повязку.

- Как обстановка, Котов? - Лопатин заглянул через бруствер.

Ефрейтор Котов, не снимая пальцев со спусковой клавиши «Максима», коротко сплюнул горькую пороховую пыль:

- Злятся, товарищ лейтенант. Лобовую атаку мы им сорвали, теперь обходят с флангов. Вон там, у старой ветлы, миномет ставят. Если пристреляются - нам хана.

- Сидоров! - Лопатин повернулся к рядовому, который с безумными глазами прижимал к себе винтовку. - Видишь ветлу? Сними миномётчиков. Спокойно, как на стрельбище. Целься под обрез каски.

Сидоров сглотнул, вытер рукавом пот со лба и выставил ствол винтовки Мосина через амбразуру. Раздался резкий, хлесткий выстрел. На той стороне, у раскидистого дерева, один из немецких солдат, нёсший тяжёлую опорную плиту миномёта, нелепо взмахнул руками и повалился в траву. Второй попытался перетащить плиту, но Сидоров выстрелил ещё раз. Немец ткнулся лицом в землю.

- Есть, товарищ лейтенант! - выдохнул парень, и в его глазах впервые за это утро мелькнула отчаянная, злая радость.

Однако радоваться было рано. Немецкое командование, осознав, что застава жива и оказывает организованное сопротивление, изменило тактику. Из-за реки донёсся характерный, ни с чем не сравнимый лязг металлических гусениц. На понтонах через реку начали переправлять лёгкие танки и бронеавтомобили.

В небе послышался нарастающий, завывающий гул. Офицеры вермахта вызвали авиационную поддержку. В синеве июньского неба появились зловещие силуэты пикирующих бомбардировщиков Юнкерс-87, которые наши солдаты прозвали «лаптёжниками». Они заходили на заставу со стороны солнца.

- Воздух! Все в укрытия! - закричал Лопатин, увлекая Сидорова на дно окопа.

Секунду спустя воздух разорвал жуткий, леденящий душу вой падающих бомб. Земля снова вздыбилась. Взрывная волна была такой силы, что Лопатина буквально подбросило, а сверху обрушились тонны комьев сухой глины и обломков кирпича.

Заставу затянуло сплошной серой пеленой, сквозь которую не было видно даже соседа по окопу. Немцы были уверены, что теперь-то всё кончено. Надувные лодки снова пошли через Буг, а пехота на берегу поднялась во весь рост, готовая занять пустые руины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.